

Владимир Лизичев

**Москва — Маньпулунёр
(флуктуации в дольнем и горним)**

Владимир Лизичев

**Москва – Маньпупунёр
(флуктуации в дольном и горним).
Том 1. Бафомет вернулся в Москву**

«Издательские решения»

Лизичев В.

Москва – Маньпупунёр (флуктуации в дольном и горним). Том 1. Бафомет вернулся в Москву / В. Лизичев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900023-1

Роман написан в 2016 году в жанре детективной фантастики с элементами буффонады. Рекомендуются к прочтению лицами старше 18 лет. В нём есть всё — дьявол и его помощники, талантливый учёный, томящийся в психушке, и специалисты контрразведки. Шпионы и алкоголики, драки и погони, перестрелки с бандитами, экстрасенсы и гибель молодой княжны. В первом томе основные события происходят в Москве. Второй том переносит нас в Республику Коми на плато Маньпупунёр. Финал непредсказуем.

ISBN 978-5-44-900023-1

© Лизичев В.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Часть 1	10
Глава 1. Прерванный обход и о корейском феномене	10
Глава 2. Лечение запоров и надежд	16
Глава 3. Сон не сон, но первый	23
Глава 4. Ночной шквал и последующие события	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Москва – Маньпупунёр (флуктуации в дольном и горним) Том 1. Бафомет вернулся в Москву

Владимир Лизичев

*Моим детям, внукам и внучке, которых люблю и которыми
горжусь – посвящаю*

*Голова дана человеку, чтобы не верить, ибо верить всему можно
и без головы*

© Владимир Лизичев, 2017

ISBN 978-5-4490-0023-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Автор, во-первых, хочет пояснить появление своего, весьма далёкого от совершенства опуса, единственной причиной – прочтя в очередной раз гениальный роман М. А. Булгакова, он страстно возжелал продолжения, как и многие до него и после. Поскольку такового нет, по понятным причинам, захотелось представить себе, нечто подобное описанному в романе «Мастер и Маргарита», но происходящему уже в наши дни. В результате он прекрасно осознает разницу.

Итак, ещё раз подчёркиваю, не претендуя ни в коей мере на лавры (ибо их место в супе) и заранее посыпая голову пеплом, предлагаю тебе читатель самому решить, стоит ли дальше поглощать, сей плод моих полуночных воображений и фантазий или отбросить после первых же страниц.

Ах да, чуть не забыл. Все персонажи, названия организаций (их адреса), альбомов, и иных результатов интеллектуальной собственности, а также события, описанные в данном произведении – вымышлены, автор не несёт ответственности за любые случайные совпадения с реальными людьми, организациями и событиями.

При написании данного произведения не пострадала ни одна лошадь или кошка, а также слон или кит (надеюсь при чтении у читателя тоже).

Пролог

Очередь почти рассосалась. Впереди стояли двое: высоченный худощавый парень лет 25—30 в спортивных штанах и лёгкой тёмной толстовке с изображением на груди тонущего Титаника. Сын хозяйки, маленького продовольственного магазина, что на Электрозаводской в Москве – Димон, по совместительству продавец пива и сопутствующих товаров, отпускал ему чешский Пилзнер Урквелл. Последний пенился, шипел и не спеша наполнял двухлитровую бутылку.

Вторым был интеллигентного вида мужчина в красивых массивных очках на кончике носа и с дорогим кожаным портфелем-сумкой в руках. Рубашка на спине гражданина в очках была мокрой, что не удивительно, жара последние дни стояла необычная для конца апреля.

В магазинчике было душно, к тому же, ещё с обеда солнце жаркое светило прямо в окна торговой точки. Хотя, правильнее магазин было бы назвать – торговым тире, за вытянутым помещением, где собственно и находилась в тот момент вся компания, через проём со ступеньками, находилось другое с полками от самого пола до низкого потолка, уставленными всякой всячиной и ещё дальше подсобка.

Несколько секунд, пока приехавшие поставщики заносили подозрительно одинаковые алюминиевые бочки с разными сортами пива, а их старший принимал отчётные документы и деньги, в магазине царило молчание. До этого момента говорили всего двое: женщина – хозяйка, она отпускала лаваша с полки на противоположной стороне, на кассе и шустрый худосочный мужичонка в невообразимой шарообразной бейсболке и обрезанным спереди наполювину козырьком. Над остатком того, что предполагалось в качестве защиты от солнца и дождя, на мощных блестящих заклёпках была закреплена полированная металлическая пластина. На ней в два ряда неожиданно по-русски была выдавлена надпись – «Московский бульварный листок». Гражданин суетился неспроста, отойдя от очереди за пивом и застрявши на пару минут с расчётом за хлеб, услышал через приоткрытое окно на улицу голоса новых посетителей, что ещё не вошли, остановившись на площадке перед входом.

«Et comme vous monsherami cette habitude d'arranger russe commercialise dans maisons rentables? (И как Вам мой дорогой друг эта привычка русских устраивать маркеты в доходных домах?)».

Это всё Мессер от бедности и избытка населения в этом обезьяннике – отвечал другой.

Обмен, столь нелюбезным для отзывчивой души патриота-журналиста Кашина Юрия Александровича, это он был тем, кто являлся хозяином необычной бейсболки грязного тёмно-зелёного цвета, мнениями между невидимыми ему иностранцами шёл на французском. Хотя Юрий Александрович имел вид человека опустившегося, много пившего в последнее время и одинокого, но уж отличить-то француза, от не француза был в состоянии, что называется влёт. Это был его язык и в школе и на журфаке МГУ.

Наконец рабочие в одинаковых тёмно-вишнёвого цвета комбинезонах перестали сновать туда-сюда, их шаги смолкли и Кашин расслышал следующее.

«Вы желаете войти Мессер и осмотреть это недоразумение?!»

«...Вперёд! Вперёд! ...Они наши! Держитесь храбро!» (Мессер повторяет известный призыв Жанны Дарк к войскам – из воспоминаний герцога Алансонского).

Юрасик – мамина интерпретация его имени, быстро усвоенная и подхваченная бывшей женой Галиной, сбежавшей от него через полгода после первого же запоя, повернул голову навстречу входившим французам. Подумалось – какого хрена их сюда занесло? В столице ныне полно хороших баров, пивных ресторанов и прочих интересных мест, где можно поси-

деть за кружкой доброго эля или отведать Родебергер с розочкой, а то и вкусить настоящего ирландского тёмного стаута. Неужели, представители буржуазного рая решили в тишине апартаментов какого-нибудь Марриотт – отеля попробовать кислого российского пива под маркой истинного австрийского, что и пивом-то назвать сложно с учётом нынешних технологий гвонопивоварения. Слух резануло – Мессер (итал. messère, фр. Messer или «господин» – обращение к именитому гражданину в средневековой Италии и Франции).

Между тем Димон повернул ручку краника розлива до упора. Два литра объявил он, так как будто кто-то возражал и выставил коричневую пластиковую бутылку прямо перед «Титаником». Затем на его лоснящемся от жира и пота лбу пролегла косая морщина, слегка зашевелились полные по-девичьи губы, что означало глубокий мыслительный процесс. Видимо решив, удостоверится в точности расчётов, он повернул голову в сторону бирки под краником с указанием цены напитка и произвёл несколько манипуляций толстым пальцем на калькуляторе.

Последние, подумал Юрасик, явно были со знаком плюс, в пользу маркета, компенсация за жару, за то, что вынужден спину гнуть за копейки, мать – скарета! 60 кило в месяц. За хреновое настроение с утра, да мало ли.

Высокий ни слова не сказал, хотя по лицу было видно, что он заранее прикинул сумму и понимает, что его попросту надули, но видимо из-за жары и духоты, а может быть бабушкиного воспитания, спорить не стал.

Димон, посчитал приговор окончательным (обжалование не предусматривалось в принципе). Он уже смотрел с вызовом на очкарика с портфелем. Но тот молчал, ожидая, пока отойдёт высокий.

«Нусс» – выдавил из себя, подбадривая очередного интеллигента, пересохшим горлом наследник славного торгового прошлого маман – «Что у нас?» и величаво замер.

Юрасик, поначалу предложивший вывесить над стойкой объявление – «Члены профсоюза обслуживаются вне очереди» и понявший по отсутствию какой-либо реакции со стороны продавца, что тот не в курсе, теперь молчал, ему было плохо. Да что там – муторно ему было после вчерашнего пойла. Сколько раз давал себе зарок не связываться с грёбанным артистом, вечно после его угощений на утро с горшка не слезаешь, а тому хоть бы что, здоровый придурок.

Теперь он с некоторым интересом ждал, чем же закончится посещение французами этого оазиса под гордым названием – «Пивной ларёк». Тем более что одеты оба были явно не по погоде. На мужчине, выглядевшем старше своего спутника, было летнее пальто, совершенно необычное даже для Москвы, а у его спутника в голубой рубашке с красным лицом индейца сзади на карабине зачем-то болтался пушистый хвост ярко рыжего цвета с тёмными полосками. Они рассматривали что-то на витрине справа при входе.

«Портфель», получив то, что хотел, уже отходил от лавки, так что обладатель кепки-бейсболки без козырька вынужден был вернуться к тому, ради чего он собственно и посетил сей очаг в его минуты роковые. Денег было – впритык и Юрасик сосредоточился на покупке. Наконец благородное Жигулёвское было в его руках. Трубы, что называется, горели, и потому пересилив любопытство, он поскорее ретировался, сопровождаемый осуждающим взглядом заплывших маленьких глаз мадам, на улице и там же на площадке припал губами к литровой посудине полной вожаделенной влаги. УУФ!!!

Сразу полегчало. И солнце стало добрее, оно не жарило, оно улыбалось. Оказывается, у пива был вкус, очень даже ничего! И желудок почти сразу отпустило. Захотелось присесть, и Юрасик прошёл вдоль площадки, возвышающейся на метр от асфальта и сел на ступеньках. В этом состоянии он практически не заметил, поглощая большими глотками своё Жигулёвское, как те двое иностранцев прошли, спускаясь мимо него, и не спеша удалились по улице в сторону МЭЛЗ. А Юрасик уже и думать о них забыл, всецело поглощённый размышлениями о превратностях человеческой жизни.

Однако позже и в другой обстановке он почему-то вспомнил о них, и как оказалось, они сыграли в его жизни весьма необычную роль.

А пока он сидел и счастливыми глазами глядел на мир, и были все люди братья, и вообще жизнь уже не казалась никчёмным бременем, вечным забегом в поисках денег и выпивки. Мимо то спускались, то поднимались люди, с удивлением глядя на Юрасика, а ему все было до фени. Мимолётная радость похмелья несла его в сферы горние и в голове рождались поэтические строки небывалой красоты. Правда, протрезвев и прочитав написанное до того, так уже не казалось. Горевшие ранее трубы ликуя, возвестили миру, что заштатный корреспондент «Московского бульварного листка» Кашин Юрий Александрович вполне счастлив.

По асфальту проносились машины. Таджики или казахи под начальством толстой, крикливой русской бабы, послушно разбрасывали чернозём на вскопанный газон. По тротуару спешили в обе стороны с озабоченными лицами москвичи, умудряясь на ходу звонить, читать, кушать и жарко спорить о влиянии Кафки на формирование экзистенциального сознания в философской антропологии. Город двигался, дышал, изрыгал из себя сотни тысяч обитателей из чрева метрополитена и не менее проглатывал. Москва готовилась встретить Первомай – День международной солидарности трудящихся или просто Труда, как его обозвали те, кто никогда и не познали его по-настоящему!

Часть 1 Весна и лето

Глава 1. Прерванный обход и о корейском феномене

Флуктуации – (от лат. fluctuatio – колебание) – случайные отклонения величин от их средних значений; происходят у любых величин, зависящих от случайных факторов. В статистической физике флуктуации вызываются тепловым движением частиц системы. Флуктуации характерны для любых случайных процессов.

(Википедия)

К этому остаётся только добавить, абсолютно правы те, что говорят – «Заколебало все!», но правда и то, что не все из них понимают истинную глубину этой мысли.

От автора

«Товарищ! Вы мне тут своим дерилием не махайте! Тута все такие!».

Красное, распалённое лицо Сердюкова готово было треснуть как спелый арбуз. Слова перекачивались во рту черноморской галькой с морским шипением и почти морскими же брызгами. В палате начинался новый день и как нередко бывает – со скандала и мерзкой ругани. Пахло потом, мочой, старой с желтизной, хлоркой и свежей масляной краской с подоконника.

День просыпался и катился, набирая обороты, едва поспевая за ссорой Кирилла Мефодиевича Мармеладова, экс-актёра, толи Саратовского, толи Сызранского малого драматического театров, ныне просто больного и уже упомянутого Сергея Сердюкова. Нынче неопределённого места жительства и профессии, больного «шизика», знатока медицинских терминов по части алкогольной зависимости.

Причиной очередной ссоры, стали маленькие такие, но страшно надоедливые черти, сидящие на прыщавой лысой макушке Сердюкова. Их с утра пораньше пытался согнать заботливый Мармеладов. Он приговаривал при этом: – «Вот я вас – ссукины дети!».

Что если отвлечься от данного повествования, несомненно, являлось тяжким оскорблением всех животных сук на свете, причём как породистых, так неблагородных двортерьеров.

*Полдевятого, без стука
В ум вошли два старых глюка.
Мозг обрадовался дару,
Словно жюпа – скипидару.*

Сердюков же, отчаянно и не всегда удачно отмахивался от ухватистых огромных волосатых рук Кирилла Мефодиевича и уже визгливо – взывал к помощи соседей по палате.

«Да уймите в конец сумасшедшего, понаехали тута буйные».

Кроме того, заметно активничал другой болезный. Этот тип шарился по углам, все искал какую-то несуществующую банку, объясняя, что та – «Шшука», «пряшнется» за крышкой. Но более чем редкие попытки залезть к соседям под матрац, неудобства, а тем более вреда от него не было.

Солнце на время остановилось и замерло в ячейке решётки на окне. К мужскому трио: – Ссукины дети – Le basset, Уймите в конец сумасшедшего – бельканто и шипящим – призвукам низкой форманты третьего лица, через приоткрытую форточку присоединились звуки музыкального сопровождения улицы в разнорядном нынче авангардном модном стиле.

Пели птицы, визжали шины, звенел трамвай и утренние капли. В общем, жизнь шла своим чередом вслед за солнцем и мудрыми указаниями руководства страны или независимо от них, кто разберёт, разве что «шизики».

*Божья коровка взлетела с листка,
Воздух с утра удивительно чист,
В небе высоко плывут облака,
Дрогнул и замер берёзовый лист.*

*Жёлтый цветок, что расцвёл во дворе
Как не хватает его в ноябре.*

Благолепие воздуха.

Наконец, глюк ушёл, и черти спрятались. Мармеладов, с видом Мильтиада при Марафоне, чрезвычайно гордый собой трижды перекрестился и громыхнул, как со сцены бывало в полный голос.

«Ага, бисови дити зникли!». Что должно было означать как высшую степень удовлетворения, так и то, что Кирилл Мефодиевич свободно владеет сразу несколькими языками. Личность Сердюкова его в данный момент волновала меньше всего, ну вроде того табурета, если заноза в жопу не воткнулась, то и ладно.

Воздух сгустился, висела в нем некая неопределённость.

Прошло время, сколько никто не знал, часов здесь особо не жаловали.

Появление двух дюжих санитаров с лицами, не испорченными ни интеллектом, ни хотя бы тенью его, ни у кого из обитателей палаты номер 3/3 не вызвало ни малейшего удивления, ибо они появлялись здесь чаще, чем вы можете себе представить.

*Санитары – как авторы,
Хоть не бегай в театры вы! —
Бьют и вяжут, как веники, —
Правда, мы – шизофреники.
У них лапы косматые,
У них рожки усатые
И бутылки початые,
Но от нас их попрятали.*

(В. Высоцкий)

Вслед за санитарями в темно синих брюках и таких же халатах на голое тело, боевой свиньёй воткнулась в палату фаланга врачей уже в белом. Другие, чрезвычайно важные ответственные лица по хозяйственной части, кто в чём, сопровождали визит ГЛАВВРАЧА – НЕБОЖИТЕЛЯ поодаль. Некая их часть та, что не уместилась в палате, настороженно прислушивалась, как бы там чего не всплыло.

Главврач носил фамилию Лепецкий, доставшуюся от отца-еврея, неплохого портного из Житомира, к слову сказать, человека доброго и демократичного, в отличие от своего творения, сына – сатрапа. Евгений Арнольдович демократию и демократов не переваривал. При случае всегда повторял слова известного широкой публике советского разведчика, остролова Леонида Шебаршина о том, что – «Преимущество диктатуры над демократией, очевидно, каждому. Лучше иметь дело с одним жуликом, чем со многими». Евгения «Анодовича» не без основания побаивались и на работе и дома.

Словно Александр Македонский при сходе с греческой триеры на африканский берег, Главврач споткнулся о железный порог больничной палаты, но в отличие от находчивого Солнцу подобного, не упал со словами: – «О, Африка! Я обнимаю тебя», а подхваченный сей миг заботливыми руками сопровождавших эскулапов просто громко чертыхнулся.

На что Мармеладов, с выражением соучастника великой тайны на лице, ещё раз трижды перекрестился.

Санитары застыли на флангах в готовности своими собственными руками обеспечить необходимый порядок и если надо оказать больным помощь в пределах приобретённых борцовских и боксёрских навыков. Молодые врачи сыпали медицинскими терминами и обращениями «коллега» и «доктор», причём все были серьёзны и подтянуты. По ходу движухи, жившего своей особой жизнью медицинского тарана, назывались фамилии все незнакомые, но по той уважительности, с которой они шёпотом упоминались, все видимо титулованные люди, а может быть даже учёные.

А психи тихо радовались перемене действия, что ещё оставалось бедолагам.

Обход главврача – событие в «дурке» было относительно редкое и запоминающееся, если она ещё есть эта самая память, не задавленная галоперидолом, аминазином, стелазинами и другой фармакологической дрянью.

В осознании высокой ноты происходящего уже проснувшиеся назойливые мухи на время прекратили своё жужжание и непрерывные атаки на больных и здоровых, хотя перед мухами все равны.

«Что милейший Геннадий Вячеславович!» – Лепецкий, после непродолжительной консультации с лечащим врачом Гавриловым (среди персонала – «Гаврила», у больных – «Гавриил») обратился, заглянув в историю болезни, где на папке жирно большими неровными буквами, чёрной тушью были выведены ФИО очередного «шизика».

Койка больного была сразу слева от входа, напротив окна, и по не писаной традиции (весьма интересно было бы узнать, как она родилась, и кто застолбил) доставалась самому тихому, незлобивому психу. К таковым, как правило, относились не опасные для общества больные. Не буйные, не диссиденты, а конкретно уважаемые люди, подвинувшиеся рассудком после внезапной ревизии налоговой или ещё чего такового. Вывернутые наизнанку и уличённые в мздоимстве и тому подобных прегрешениях, какой-нибудь компетентной комиссией сверху, они по большому благу, находили временное пристанище не на казённых нарах, а в старой московской психушке. Зоны то побаивались. Там же отморозки бешеные!

Тут уважаемый читатель, автор позволит себе сделать небольшое отступление и проинформировать о том, что в палате №3/3 было на тот момент три больных шизофренией в различных стадиях проявления болезни.

Среди них подхвативший «белочку» Мармеладов и два как бы симулянта. Один, уже помеченный выше вниманием эскулапа Лепецкого – Геннадий Вячеславович Четвертаков. Главврач не мог не помнить, как за него дважды ходатайствовали наличностью «уполномоченные товарищи-господа»! Отсюда, и решение о выписке подоспевшее вовремя.

Второй некто Серов, причём практически никто в заведении о последнем не знал ровным счётом ничего. Был он молчалив и нем как рыба, отвечал всегда односложно да или нет, не более. Александра Алексеевича, так его звали, на памяти соседей по палате за время пребывания никто ни разу не навестил, а был он, что называется уже долгожителем. Как и за что попал на перевоспитание – лечение почти никто не знал, что было само по себе загадочно и удивительно. Всегда словоохотливый санитар Меркулыч единственное, что позволил себе о Серове – цокнуть языком и выплюнуть – «Видать Хрукт ышшо тот, однако. Но «шиза» – добавил, озираясь по сторонам, – «точно!».

Врачи же вообще в психушке не распространялись, так их подбирали и учили ещё в меде. Одно, несомненно, отличало бедолагу от сотоварищей по несчастью, был он не по возрасту моложав, неплохо образован и воспитан, чувствовалась в нем некая военная или иная, какая, но выправка. Круглые, с фотохромными линзами, очки носил на самом кончике носа, но не ожидаемо – комично, а как-то браво, по-гусарски. Даже ел он алюминиевой ложкой с нездешним интеллигентским лоском. Прозвище ему дали соответствующее – Немо. А и правда, был похож на того из старого кино. На редких начальственных обходах больной Серов молчал по обыкновению, просьб и тем паче жалоб не высказывал, только выразительные глаза его изумительно чистые и серо-голубые смотрели на обход-шоу с нескрываемым интересом и пониманием, как будто на знакомую с детства 15-ю часть Мерлезонского балета.

Были как-то и другие посещения лечебного заведения силами минздрава, прокуратуры и прочих надзорных органов, но их сил почему-то хватало только на посещение руководства и обильные возлияния за столом, соответственно до палаты 3/3 они не доходили, силы-то тютю.

«Так вот – Будем Вас выписывать, два годика с лишком, пора-с, пора-с» – продолжил Лепецкий, слегка грассируя. «Пора-с, извините, приобщать Вас больной Четвертаков к общественно полезному труду на благо Родины», и видимо смутившись, тот же миг, от того, что сказал. Какой нахрен, общественно полезный труд от бывшего казнокрада и растлителя малолеток, да и бывают ли они бывшие, по сути, понятно же. От этой мысли как-то внутри себя хихикнул и начал нервно потирать руки.

Ох, как давно здесь не было слышно таких замечательных музыкальных слово звуков – «Будем Вас ВЫПИСЫВАТЬ, пора!».

Они растеклись по палате морозным облачком в летнюю жару, вторым фортепьянным концертом Рахманинова. Расплескались по стенам, покрытым шаровой краской, по затёртому за десятки лет линолеуму пола. Обтекли металлический рефлектор лампы освещения под потолком и светло-серую краску спинок кроватей, что были прикручены к полу и застряли в сердце каждого обитателя палаты сладостной занозой. Кай отдыхал, осколки летели, Рахманинов перетекал в неукротимого Баха. В палате царила обстановка вселенского счастья, единения душ, нирваны и Интернационала партийного собрания 50-х годов. Бескорыстная радость за други своя, блаженная, присущая только людям увечным, больным, либо запертым в казённый дом, все потерявшим и обретшим вскипала в душах, но не умах обитателей палаты.

Другого свойства чувства, обитали в головах врачей, Бог им судья.

Между тем Лепецкий нутром старого психолога, почувствовавший общую воцарившуюся атмосферу продолжил с несвойственным пафосом, удивившись внутри сам себе. Как психолог он знал, что разговоры с собой – первый шаг к безумию, но разве весь мир не безумен?

«Дорога в жизнь для Вас открыта» и, немного смутившись, уже направился к выходу (шоу маст го он), когда неожиданно прямо посреди этого благочестия словно изнутри воздуха сжавшегося в доли секунды и уплотнившегося до состояния низкого звука, хлётко и отчётливо, невозможно было определить от кого, громко прозвучало:

«ИДИОТ!!!»

«Что?» – невольно переспросил главврач, повернулся и с надеждой посмотрел, словно ища поддержки, на подчинённую камарилью, но найдя такое же недоумение, уже грозно с шипением – «Что?»

Так же отчётливо, но теперь уже с долей сарказма и неудержимого бесшабашного веселья прозвучало – «Да не о нем я».

«Это Вы доктор Лепецкий – Идиот!».

Теперь уже определилось, что инициатором столь неучтывого заявления был Серов – Немо, а главное все-все уже сориентировались и поняли, что обращено оно было именно к ГЛАВВРАЧУ!

Воистину был трижды прав Екклезиаст – нелегко живётся благородным донам в человеческом муравейнике в любые времена.

Лепецкий вроде бы ко всему привычный, всю жизнь с «шизами», что по жизни, что по работе, но в доли секунды соотнёс это оскорбительное – ИДИОТ, с чем-то неприятным в своей памяти. Вспомнил!

Он вспомнил!

От такой неслыханной, а главное весёлой наглости покраснел и налился гневом, ума хватило не отвечать, что взять с психа, но внутри все заклокотало и зашипело. Себе – «Успокоить нервы». А все равно пробило, зло прорвало.

Подумал – «Так, лечащего „Гаврилу“ выдрать как сидорову козу или козла!»

Почти успокоился уже в коридоре, но на беду в мельканье ног спешащих санитаров и толчее окруживших коллег, наткнулся на ведро с грязной водой, забытое в спешке и по старости уборщицей Клавдией Никитишной. Брюки, недавно купленные немецкие KANZLER залил по колено, отчего опять гнев вырвался наружу уже безудержный и неожиданно для маленького сухонького доктора злой матерный словоряд прозвучал, как увертюра дальнейших прениприятнейших событий. Что за день такой?

А главное ему захотелось поскорее избавиться от этих назойливых коллег, свидетелей давешнего возмутительного демарша Хама и, последовавшей затем его доктора Лепецкого несдержанности. Казалось, кто-то из этих молодых бездарей и лизоблюдов ехидно улыбался за спиной в коридоре.

«К чёртовой матери! Скорее домой» – к милейшей жене Софочке и её супу с фрикадельками.

Обходу досрочно пришёл абзац! Конец 16 акта, бедных прекрасных дроздов поймали.

Отпустило не сразу, на Ленинском проспекте образовалась большущая пробка, ещё была пятница, и народ по весне торопился за город на дачи сажать картошку кто попроще, и *Zebrina pendula* (*Tradescantia flumensis*) – кто побогаче.

Началась движуха, где-то уже мчались по встрече рублевские квакеры, синие мигалки, они же проблесковые маячки, шарахались от них прочие обыватели и недобизнесмены. Изредка переругивались между собой клаксоны автотранспорта представителей среднего класса. Москва рядами машин растекалась и рассасывалась, двигалась, а значит жила.

Водитель Гоша молчал всю дорогу, видимо чувствуя настроение хозяина, старая ГБ-шная школа, ну и, слава Богу.

На одном из перекрёстков их подрезал спортивный автокар – Бентли, нагло вылезший вперёд на красном знаке светофора. Через приоткрытое стекло на дверце водителя было слышно, как сидевшие в нем мужчины громко разговаривали и смеялись. «Витольд Петрасович, кой черт он Вам сдался?». «Ой, не скажи Шурик, не скажи...». «В банку с огурцами... свои помидоры... Так и сказал...» Загорелся зелёный, машина резко рванула с места, в воздухе поплыло и растворилось облачко жжёной резины 21-дюймовых покрышек.

Евген Арнольдович только недовольно фыркнул, и про себя – «Нерусский видимо, прибалт, а ведут себя как идиш в Бердичеве. Новые русские, мать их, хозяева жизни, зажавшиеся психи, от бабла дармового крыша едет, половина из них хроники реальные».

Софочке нездоровилось, но она вовремя, едва успел раздеться, подогрела обед и села рядом за круглый стол на кухне. Склонив голову набок и подперев её рукой, пододвинула салфетку, раз и навсегда заведённый ритуал. Суп источал манящие запахи, мелко нарезанная пет-

рушка плавала по поверхности тарелки, как футболисты на зелёном газоне спартаковского стадиона, ложка фамильного мельхиора копьём торчала справа, все успокоилось.

Дура душой, а готовить умела. Зелёный «редькостный» салат со сметанкой был хорош. Как там, – Господа ставьте, да поживее, на стол большую кастрюлю – для СЛЮНЕЙ!

Обед способствовал успокоению и благостному расположению духа, нервы ни к чёрту подумалось о том, что возраст даёт себя знать, шутка ли столько лет на посту. Потом мысли перескочили на что-то другое и больше к давешнему безобразию уже не возвращались.

Брюки уже стирались под жужжание южнокорейского чуда – SAMSUNG.

Евген Арнольдович позволил себе, то чего уже и не вспомнить когда последний раз делал, открыл маленьким ключиком дверцу бара в стенке тёмного дерева и достал оттуда бутылку грузинского Асканели. Он не спеша прочёл что-то на её золотой этикетке, удовлетворённо покачал головой, открыл её и налил в стакан для виски с камнями насыщенного медового цвета жидкость, посмотрел на свет, любясь переливами и искорками, живущими в коньяке. Смакуя во рту мелкими глотками, и также не торопясь – выпил.

Успокоил жену – «Всё нормально дорогая» – заметив её встревоженный взгляд и удовлетворённо хрюкнул, откинувшись в высоком кожаном кресле в кабинете. Софья Егоровна поспешила ретироваться, зная, что супруг не любит когда, кто бы то ни было, мешает её благоверному в такие минуты. А уже через тройку минут из узкой щели в двери прорвались звуки сопения, с неким подобием возникающего эпизодически подвывания. Евген Арнольдович соизволили покемарить после сытного обеда по-стариковски сидя. В ванной комнате SAMSUNG в полголоса просигналил об окончании процесса стирки штанов.

От автора:

Поскольку, глава дома изволят почивать после сытного домашнего обеда, а сигнал стиральной машины пробудил во мне некие воспоминания предлагаю отвлечься. Хочу поведать об одной особенности корейцев. 4 года живя на Сахалине, я частенько общался с местными корейцами, бывал у них в домах. Так вот, в отличие от наших и других, их жены готовят пищу по необходимости, а не что в голову взбрёт или из продуктов, что имеются в наличии в холодильнике. Поясню на примере: муж вчера перепил, это значит, что его ждёт специальный суп и тщательно подобраны все ингредиенты, соусы, специи и тому подобное. Муж приехал из командировки – своё особое меню. Супруги ждут зачатия – другое. Всё приготавливается, исходя из конкретного человека с его болячками и особенностями организма, состояния, времени года и т. п. Видимо есть смысл и женщинам России постараться!

Глава 2. Лечение запоров и надежд

*Маршрутка вечером переполнена,
Я проезжаю мимо дома, где когда-то жил.
Интересно, кто там сейчас. Им неведома наша история¹*

Запор – замазанная несколькими слоями краски и ободранная по краям стальная пластина со стальной же, приваренной к ней здоровенной рукоятью, с лязгом вошёл в углубление на дверном проёме в стене и замер. Дверь в палату №3/3 закрылась, намертво отрезав всех в ней пребывающих от остального Мира.

До того, пяти больным назначили ударную дозу галоперидола внутривенно и злорадно. Санитары стабилизировали пациентов на койках во избежание!

Дежурный санитар для порядка напоследок заглянул прищуренным внимательным глазом в «намордник» – маленькое окошко на двери на установленной высоте 1м 50 см. и удалился в санитарскую, втихаря пить и снова пить горькую. Иногда он, правда, что-то пел себе под нос, заунывное и неразборчивое, толи по-казахски толи ещё как.

На кроватях принайтованные специальными крепчайшими ремнями свивальников бились в судорогах после пары успокоительных доз-уколов больные и симулянты палаты №3/3 почти все едино. У двоих – Мармеладова и Сердюкова пена уже отекала и застыла на углах подушек, на подбородках и груди, другие ещё доходили и стонали. Суставы выворачивало и ломило, кипятик и огонь бродил по венам, застревал в лимфе и проникал в мозг. И мечталось лишь об одном – быстрее потерять сознание и упасть в бездну беспомыслия, это понималось даже шизоидами в стадии крайней ремиссии.

Да и ни какие не сапиенс они уже были, а anfíbio – лягушки для опытов на лекции по зоологии или червяки?

За что Господи? Прости тем, не ведают, что творят.

Середина дня едва наступила, а здесь был, уже наступил конец времён, локальный Армагеддон.

От автора:

Смею пояснить тем, кто не знал и напомнить тем, кто в курсе, что означает это слово буквально «гора или высокий холм Мегиддо» расположенная недалеко от Хайфы, где состоится последняя битва добра со злом. Первое упоминание Армагеддона как географической точки, принадлежит Иоанну Богослову. Его откровения включены в канон Книги, утверждённый Лаодикийским собором в 364 году, Ныне Библия состоит из 66 книг. 39 содержится в Ветхом Завете и 27 – в Новом. Всего известно около 300 авторитетных книг этого плана.

После ухода, столь поспешного, доктора Лепецкого, после его «Козла» лечащий врач Гаврилов, на которого и спустили всех собак или сук, отыгрался по полной схеме. Досталось всем правым и виноватым, без разбора, за «идиота», за – «никчёмность, отсутствие профессионализма, отпуск в октябре», даже припомнить трудно за что ещё. Одним словом счёт был предъявлен, и расплата стала скорой. Опала маячила, а за что? «Хрень какая-то!».

Говорят, что расстрелянного фашистскими изуверами в августе 1944 года Эрнста Тельмана – Председателя ЦК компартии Германии, с момента ареста и до самого его конца пичкали наркотой и последними достижениями немецкой передовой фармакологии. Всё специфиче-

---

¹ Все несуразные мысли, изложенные ниже номеров и названий глав романа курсивом, начиная со второй главы, принадлежат перу автора.

ского свойства в надежде, что несгибаемый Эрнст сдаст, наконец, своих товарищей из тайного военного комитета компартии. Их фамилии были известны только узкому кругу лиц ЦК.

Доведённый до скотского состояния, в одиночке концентрационного лагеря Бухенвальд, он все же камарадов-нелегалов не выдал. Лучшая в мире на тот момент, немецкая химическая индустрия, от средневековых алхимиков ещё, как же, ничего не смогла поделаться с железной волей бывшего упаковщика и корабельного юнга.

В отличие от немецкой науки, советская и её наследница – российская психиатрия, что на службе его величества государства, всегда была, что называется, вооружена до зубов. Вооружена была, не столько различными антипсихотическими препаратами и психоделиками, сколько передовыми методиками манипуляции сознанием.

От Ганнушкина до Смулевича, психиатрия теоретическая и ещё более практическая медицина под лозунги о преобладании экзистенциальных гуманистических подходов в лечении, занималась его подавлением и изготовлением послушных клозапиновых скотов.

Верноподданнический настрой – чего изволите? энтузиазм в психиатрии процветал.

Да, а как же старые проверенные годами методики, представленные широкой общественности, например усилиями талантливого австрийского военврача Грюнштайна они, что называется на ходу, применяются до сих пор в особо интересных случаях, правда уже не так массово. Вспомнили – «... промойте ему хорошенько желудок, и клизму, клизму, клизму мерзавцу» Я. Гашек – «Похождения бравого солдата Швейка». Впрочем, к тому были все основания, побочными действиями лекарственных препаратов являлись недержание и диарея или хуже того – запоры, которые имели неприятное свойство разрешаться в самый неподходящий момент.

И да простит мне читатель эти физиологические подробности, но без них не понять всего ужаса бытия в этом казённом доме, пропитанном запахом скорби, отчаяния и человеческих испражнений.

На этаже, в разных концах коридора было 2 туалета, один из них для мед. персонала и одна душевая. Говорят, что до XX съезда партии, там ещё была горячая вода. Под койкой каждого больного должны были стоять ночные горшки, но по причине невозможности их, выкрашенных в нежно голубые и синие цвета, было по одному на 2—3 человека. Особым шиком считалось владение горшком ярко-красного цвета, их ещё называли пожарными, таких в отделении было всего два и оба были у буйных в №3/1. Утром, под бдительным контролем дежурного санитаря те, что были наполнены, выносили назначенные по очереди «психи», для чего предварительно они выставлялись рядом с входной дверью. Далее их в туалете освобождали от содержимого, мыли в специальной ванне, обильно посыпали хлоркой и возвращали, согласно записи карандашом в толстой тетради о количестве от каждой палаты.

Частым развлечением было поставить «свой» горшок под чужую кровать, а потом при всём честном народе гнобить зазевавшегося болезного. Обычно так подшучивали над вновь прибывшими. Правда, попытки эти иногда заканчивались мордобоем, так в своё время, тот же алкаш Мармеладов набил крепко по физии, упомянутого выше Геннадия Вячеславовича, отчего поначалу злорадно-довольное лицо последнего стало позже походить на тухлую луковицу переливами тускло-синего, жёлтого и розоватого. А Кирилл Мефодиевич грозным голосом, явно актёрствуя, спросил – «Ну кто ещё хочет попробовать комиссарского тела?». Желаящих шутить со ста килограммовым Мармеладовым после того случая не было.

Но, мы отвлеклись, вернёмся на третий этаж.

Досталось всем, по самую маковку. Из соседней палаты было слышно, стонал больной – «Голова болит». На что кто-то из рассекающего по коридору персонала обыденно ехидно заметил – «Голова не жопа, привяжи и лежи».

«Гаврила» сидел в ординаторской с остановившимся взглядом, и жевал жвачку Орбит. По-своему его было жаль, вообще жаль. Отрешённо в голове его крутились цепочки мыслей – «В идиотском доме все-все идиоты и главврач-рвач. Знаете, почему хорошо отдыхать на море? Так там, только с трёх сторон «шизики».

Благородным донам тяжело в этой жизни, а неблагородным, что легче?

Между тем виновник сего пердомонокля Серов уходил в беспамяство, выныривая из него и снова погружаясь. Эти качели сменялись тремором, вращением, водоворотом, захватывали разум, но ещё краешком сознания жили боль физическая и боль от обиды, нанесённой ему лично главврачом. Ещё 2 месяца тому назад, сердобольный санитар Меркулыч случайно проговорился.

Так Александр Алексеевич узнал, что резко отклонено письменное ходатайство его однокашника по физтеху Жени Ступицына. Его бескорыстного друга и единственного близкого человека на всем белом свете, кроме Белочки – жены, поданное на имя Лепецкого ходатайство о проведении повторной психиатрической экспертизы и консилиума на предмет признания Серова абсолютно здоровым и дееспособным.

Вырваться отсюда в ближайшем будущем надежды теперь почти не оставалось, и это была боль, всем болям другим неровня.

Потому-то сегодня на большом обходе он и не стерпел, когда Лепецкий, скользнув по нему равнодушным взглядом, видимо даже не вспомнил, о том важном ходатайстве, а быстро переключился на соседа Геннадия Вячеславовича, вообще-то с виду безобидного и в быту премилого человечка. Не смог сдержать здоровой бойцовской наглости и злобы, с которой мелкая тварь, загнанная в угол, бросается на хищника.

То вам не толпой на мамонта, хоть и шкура его толщиной почти восемь сантиметров, тут один на один на медведя, да с рогаиной. Граната конечно на всякий случай в кармане имеется, но она учебная.

В психушку Александр Алексеевич попал случайно, как он считал, после невероятного напряжения последних двух лет работы над темой докторской. Борьбой за безумные по смелости научные идеи и непонимание соратников-соперников по отделу – физ. лаборатории в ГНИИТФе – важном государственном институте (Государственный научно-исследовательский институт теоретической физики РАН).

Беспредельно устал от вечного поиска-выбивания необходимых бюджетных средств, их отсутствия в «ящике», попыток объяснить неудачи естественными процентами от всего массива фундаментальных исследований. А главное – сложно протекавшей уже второй беременности у любимой жёнушки. Первая окончилась также катастрофически.

Именно выкидыш, последовавший за всеми перипетиями борьбы за ребёнка, и стал, последней каплей, переполнившей чашу разума и опрокинувшей размеренную жизнь в том злосчастном холодном московском ноябре. Теперь она делилась на до, и после того полчасового звериного воя, которым он так испугал сотрудников лаборатории института, и разбитого стекла двери лаборантской, после сообщения-звонка об очередном выкидыше.

Все летело в тартарары.

Он не знал, да и не мог знать о том, что данным случаем, а также объяснимым с нормальных человеческих позиций, наступившим у него затем периодом временного полного отрешения от внешней жизни, воспользовался Звездунов. Пробивной, на все готовый заместитель начальника отдела – Женечка, его зам. Мразь, как оказалось, это была редкая, завистливая. Он давно мечтал присвоить себе некоторые, воистину интересные разработки Серова в области теории Большой симметрии квантовых процессов, которыми тот, будучи по природе челове-

ком честным и чистым делился, как и всем остальным с окружающими коллегами, по наивности полагая, что все человеки – братья, равны и тому подобные интеллигентские бредни.

Быстро нашлись соратники (от слова – сор), деньги и нужные знакомые люди – сволочи, бескорыстно готовые якобы помочь Александру, послушать, подлечить, а на деле шустро засадившие его в психлечебницу, где установили первичный диагноз – «эмоциональная неустойчивость, расстройство личности». Трудовой коллектив НИИ, как водится ничего не подозревая – поддержал, надо лечить, даже сердобольная женская половина.

Посетителей к нему поначалу, да и потом, после нового уточнённого диагноза – «маниакально-депрессивный психоз, шизофрения», не допускали. Письма и написанные им уже в заточении научные труды-гипотезы и статьи исчезали в лабиринте клиники, красного, кирпичного мрачного здания в одном из милых московских переулочков рядом с Курским вокзалом.

Все попытки связаться с женой и друзьями за редким исключением, надёжно пресекались администрацией психиатрического стационара на корню, а родители у Саши к тому времени уже давно умерли.

Белочка-жена красавица прямо как с картины – «Утро» Никаса Сафронова, тоже смирилась со своей участью и ударилась в какую-то мудрёную разновидность йоги, детей у них больше быть не могло. Да и, по сути, женщина она была молодая, полная амбиций и нерасстраченной женской любви, которая требовала выхода и удовлетворения. Вокруг было столько желающих. В общем, мужа она перестала ждать довольно скоро, но помнила с неким щенячьим чувством толи вины, толи грусти. Этакая приятная, ни к чему серьёзному не обязывающая ностальгия.

Развод ей оформили без проблем спустя год (для приличия).

Связь с внешним светлым миром, для «психически больного» Немо оборвалась. Всё теперь ограничилось просмотром трёх программ по выбору дежурного санитаря на стареньком телевизоре «Горизонт» (позже его заменили на – Тошибу) изредка по средам и пятницам с 15.00 до 18.30, и общением с коллективом больных и obsługi лечебницы.

Общаться, по правде говоря, Александр Алексеевич после 5 лет отсидки, особо ни с кем не хотел, все только по необходимости. Контингент здесь был, по правде говоря, ещё тот.

Жил он в совсем другом мире, без этих высоких белых потолков и мрачноватого электрического освещения. Очень тяжело было первые полгода, потом не сказать, чтобы легче, но пообвыкло, притёрлось.

Не раз Серов пытался работать, даже кое-что записал, но в отсутствии коллег и необходимого любому творческому человеку что писателю, что учёному антуража, признания, дело не пошло.

В самые тягостные и томительные дни он научился отключаться. Сначала этому способствовали воспоминания из босоногого далёкого детства, когда все были живы, и всё вокруг неопределимо хорошо. Солнце после дождя светило необычайно ярко, брызги летели из-под ступней, а лужи были и не лужи вовсе, а целые озера искрящейся воды.

Потом научился как-то, сам не понял как, путешествовать во сне, не во сне и что есть сон? Это были минуты и часы в сверкающих мирах созданных его фантазией, толи и на самом деле в других мирах нашей такой сложной и неизученной ещё в восьми остальных плоскостях Вселенной. Разум и любопытство исследователя были той самой машиной, которая носила его по галактикам, виртуальным сотам и пузырям, реликтовым излучениям, хроновывертам, струнам, червоточинам или туннелям, чёрным и белым дырам, в гости к тёмным материям, кристаллам, энергиям, пентакваркам и шести бозонам Хигса.

В необузданной голове рождались новые гипотезы, сложные теории обретали не менее сложные пояснения, сменялись одни на другие, ещё более сложные, но удивлявшие своей изысканностью и всеобщей заданной целесообразностью.

Как ни парадоксально звучит, лекарства видимо тому в какой-то мере способствовали.

Человек такая скотина, ко всему привыкает, адаптируется, но надежда таки тлеет. Надежда, в отличие от Виктории всегда умирает последней, даже в психушке.

Ещё одним развлечением были книги, их по его просьбе приносили откуда-то из библиотеки, которая была заложена и подобрана ещё с царских времён. Затем идеологически очищена, расширена и поднята в сталинско-брежневские времена до высот социалистического реализма, кстати, не такого уж и плохого, памятуя о нынешних перлах известных российских писателей от Буккера на орально-анально-клозетные темы в клиповом стиле.

Книги пахли вечным временем и успокаивали, было время читать и собирать камни, разбрасывали их другие, да и не камни это были, а тяжёлые булыжники, катившие по городам и людям страны, давя, калеча, ломая и перетряхивая наизнанку народную душу, научая обманывать, воровать, убивать и тратить, тратить, тратить деньги, баксы. По телику – по всем каналам шла серия рекламных роликов, главным героем которых был Лёня Голубков, покупающий жене то сапоги, то шубу и смело утверждавший, что он не халявщик а, дескать – партнёр.

В этой библиотеке были особым образом собраны книги о другом мире – хорошем. Добро побеждало зло, и было востребовано, так чего ещё нужно истерзанной душе «шизика».

Иногда на полях и чистых листах в конце книг встречались занимательные комментарии читателей, из которых следовало, что не все они были психами и «шизиками». Либо это означало то, что «шизики» это такая отдельная порода людей разумных, которая просто родилась не в то время и не в том месте и живёт рядом с нами по какой-то одному Богу ведомой причине и плану.

Тема требовала отдельного изучения, но скоро завела в такие дебри, что в какой-то момент Саша, он же Немо предположил, что и он возможно «шизик». Ну не совсем что бы «шизик», но все же он не исключал собственной неполноценности, и только сознание абсолютной несправедливости своего заточения не позволило дойти до полного смирения и настоящего идиотизма. Таблетки и уколы, которыми его потчевали, тому понемногу способствовали.

Огонёк обиды ворошил мысли, гонял их по кругу, заставляя мозг работать, искать выход. Удивительно, правда редко, но приходили целые романтические пассажи, в которых он видел себя в лучах славы, доказавшим всем свою необыкновенность и правоту, там за стенами лечебницы. После таких снов и мечтаний растерзанная душа ненадолго отдыхала и восстанавливалась, но оставалось неясное чувство вины и сожаления.

Пару раз в самом начале он бузил, требовал, орал благим матом, соответственно был крепко бит и научен, согласно тамошним правилам и понятиям. Потом Серов замкнулся, стал немой тенью. Казалось, смирился с участью графа Монте-Кристо, да и не было рядом мудрого старика Фарио, который все объяснит и научит. Все познаётся в сравнении.

Опыт, сын ошибок трудный...

Возвращаясь к битию (не путать с бытиём) и «фашистам» санитарам, которые зачастую действительно увесисто потчевали беспокойных, то ведь не по злобе, а в силу знания жизни и ради порядку. Негласная статистика многочисленных пожаров в психоневрологических диспансерах гласит о том, что почему-то именно такие санитары мордобойцы, недобрые садюги, чаще других – добрых, спасали, выводя из горящих зданий своих подопечных, рискуя самой жизнью. А что, по сравнению с жизнью, пара тройка зуботычин?

И специально для тех, кто считает, что уж сегодня то, такие безобразия в психиатрической лечебной практике в России происходить не могут в принципе:

Опубликован отчет комиссии Общественной палаты РФ по итогам общественного мониторинга московского психоневрологического интерната (ПНИ) N30. Его вывод: в существующей системе ПНИ даже пристальное внимание общества не может защитить жителей интернатов от нарушений их прав.

Ольга Алленова, Роза Цветкова

Первый мониторинг ПНИ N30 общественная комиссия проводила в январе-феврале 2015 года. По его итогам был опубликован отчет, в котором сообщалось о незаконном лишении граждан, живущих в ПНИ, дееспособности и свободы; о незаконном использовании изоляторов; об отсутствии ежедневных прогулок и питьевой воды в свободном доступе; о принудительной госпитализации и недобровольном лечении; а также о правилах внутреннего распорядка, изданных директором ПНИ и ограничивающих право граждан на личную переписку, прием посетителей, приобретение предметов первой необходимости и на пользование собственной одеждой. Такие меры члены общественной проверки расценили как превышение полномочий и нарушение прав и свобод граждан, гарантированных им Конституцией РФ.

В интернате по-прежнему практикуется принудительное содержание людей в закрытых помещениях, в частности в изоляторах. Напомним, что в январе 2016 года в этом интернате покончила с собой жительница Елена Ш., которая после выписки из психиатрической больницы провела в изоляторе ПНИ 18 дней. Собственно, ее смерть и стала поводом для первой общественной проверки учреждения.²

(Коммерсант.ru за 16.06.2016 г.)

А теперь прошу, держись уважаемый читатель, чтобы не упасть со стула, кресла, дивана и т. п. прибежища. Вот Вам пример из серии – А у них там за бугром лучше нашего...

В 1973 году в США был проведён эксперимент под названием «Психически здоровые на месте сумасшедших». Это исследование поставило под сомнение надёжность всей психиатрической диагностики и вызвало настоящую бурю в мире психиатрии.

1. Эксперимент был проведён психологом по имени Дэвид Розенхан. Известно, что этот эксперимент поставил под сомнение надёжность всей психиатрической диагностики

Розенхан доказал, что выявить психическое заболевание наверняка вообще не представляется возможным.

2. Как он провёл исследование?

8 людей – три психолога, педиатр, психиатр, художник, домохозяйка и сам Розенхан – обратились в психиатрические больницы с жалобами на слуховые галлюцинации. Естественно, таких проблем у них не было. Все эти люди договорились притвориться больными, а затем сказать докторам, что с ними всё нормально.

И вот тут начались странности. Доктора не поверили словам «больных» о том, что они чувствуют себя хорошо, хотя те и вели себя вполне адекватно. Персонал больниц продолжал заставлять их принимать таблетки и выпустил участников эксперимента на свободу только после проведённого насильно курса лечения.

3. На этом Розенхан не остановился...

Источник: vmirechudes.com³

Можно было бы привести и другие, более убедительные примеры. Я думаю, любознательный читатель при желании, всегда найдёт их на просторах российского и не только россий-

---

² К сожалению автор не может, в силу известных правил продолжить цитирование данного документа. Желающие ознакомиться с его полным содержанием, могут без труда найти его в Интернете.

³ К сожалению, автор в силу изложенных выше причин, не может продолжить цитирование этой увлекательной истории. Предлагаю читателю самому найти её на просторах Интернета, не сомневаюсь, получите неописуемое удовольствие.

ского Интернета. Только не надо думать, что это единичные случаи и что-то серьёзно меняется к лучшему, «поживём, увидим» – так кажется, сказала одна умудрённая жизнью женщина в нашем любимом новогоднем фильме.

Глава 3. Сон не сон, но первый

*Упал магнитик, что на холодильнике.
Скоро полночь, я не могу никак заснуть,
Все вспоминаю те дни, проведённые у моря*

Красный круг солнца красиво катил в кольце из апельсинового марева через мост у Парка культуры, как всегда на рекламной вывеске: Аэрофлот – Быстро – Удобно – Надёжно, последнее не горело. Было по августовски тепло и покойно, на набережной гуляли редкие пары. Москва река неспешно несла свои серые воды, в которых отражались багряные блики, по ним стайкой плыли первые жёлтые листья.

В воздухе распространялись благодушие, умиротворённость, и что-то ещё не осязаемое напрямую и, несомненно, но милое сердцу москвича. Из открытого окна дома где-то на 5—6 этаже, за густыми кронами деревьев не разглядеть, сколько их там внизу, доносился голос с известной хрипотцой о позиции «намба ту».

*То плыли листья по воде,
Их ветер разбросал везде.
Касаясь самого причала,
Волна их гнала и качала
И жёлтых пятен хоровод,
Опять мелькал в движенье вод.
Не долгов был их странный век
И скоро дождь да первый снег
Укрыли, напрочь, их следы,
На сером зеркале воды.
Но как-то раз в другие дни,
Кому-то вспомнятся они,
И этот жёлтый хоровод
Вновь оживёт в потоке вод.*

***

*Их грустный танец на волне
Сегодня вспомнился и мне.*

День заканчивался интересно – они с Тиммом были приглашены в гости к новому знакомому, принадлежащему к последователям трудов Елены Блаватской и Рерихов, практикующему йогу и даже жившему какое-то время в Индии, в Ашраме. Что это такое никто не знал, но было необычно и заманчиво пообщаться с русским индусом. Тем более встречу предваряла самая настоящая лекция об энергетических меридианах и центрах – семи чакрах и тысяче меридианов человека и прочей тарабарщине, которую походя, пока они добирались в метро, а потом с километр пешком, прочитал Тим или Тимофей по паспорту.

Настроение у Саши было самое что ни на есть подходящее, располагающее к философствованию и релаксации.

Нет ничего дешевле и одновременно дороже радости необременительного общения с интересными людьми, особенно если они также не похожи на тебя, как заморский грейпфрут на русскую репу.

Белку, как ни уговаривала и не просила, не взяли, зато взяли две бутылки дешёвого вина и немного фруктов, денег было в обрез, а до полочки ещё аж целых семь дней.

В квартире, самой обычной по обстановке, но с высокими с лепниной, потолками, огромным балконом в старом монументальном сталинском доме напротив парка, знакомого с детских лет, их встретил сам хозяин.

Был Виталий дома один, представился просто и пригласил в комнату. Худой, длинноволосый и стройный. Пальцы необыкновенно длинные, а рукопожатие мужское – сильное. Глаза нормальные, весёлые даже. По виду – МНС (младший научный сотрудник).

Пили вино и на кухне кофейничали вьетнамским молотым кофе из кофейни мадам Мэй, в вакуумной упаковке с жёлтыми цветами и привкусом шоколада из маленьких китайских пиал. Под разговор закусывали яблоками и дольками апельсинов, аккуратно нарезанными и посыпанными сахарной пудрой.

Телевизор, стоящий в комнате завидных размеров, соответственно обозначенной программой приобщения к интересующей области познания, даже не включили.

Было легко и весело, на балконе курили, точнее, курил один Саша, говорили об энерго-сенсорике, ясновидении и третьем глазе.

После выпитого вина и действительно замечательного кофе Александр больше помалкивал. Он смаковал абсолютно новую для него сферу знаний и подаренную информацию.

Когда Виталий неожиданно предложил помедитировать и довольно просто объяснил, как это делать, не особенно сопротивляясь, согласился при условии, что ему помогут, и не будут ржать, если ничего не получится. Ещё раз, повторив для уверенности, что и как проходить, приступили к освоению методики.

Закрыв глаза и успокоил дыхание, представил, что прана наполнила лёгкие, появилась некая дрожь, перекатывающаяся по телу, наконец – возник озноб. Закрутился «волчок».

По-ехали-или. Сначала легко удалось сосредоточиться и отключить все мысли кроме одной – проскочить некий барьер, потом пошло с трудом. Вязкая мгла окутала сознание, её пришлось прорывать несколько раз. При каждом прорыве, пробое такого препятствия он как бы раздваивался. Одна часть сознания ощущала себя, все также расслабленно сидящей в глубоком кожаном кресле в комнате, другая куда-то неслась. Правда видел он себя как бы со стороны, точнее всего и сразу со всех сторон. И снаружи и изнутри и сверху и сбоку, но это не наслаивалось, не мешало восприятию. Этакое многоплоскостное видение.

Парадокс – сознание было уже готово к такому восприятию действительности. Прошу извинения за вульгарщину, но выражение «глаз на попу натянул», в какой-то мере может охарактеризовать данное состояние касаясь многомерности окружающего пространства (отличие лишь в том, что это – сотни глаз везде).

Другая часть ощущала мощную подпитку и помощь Виталия и упорно куда-то летела, неслась с бешеной нечеловеческой скоростью, скоростью запредельной и пугающей. Слегка мутило, но ясно было сразу и точно, что это не спиртное, а следствие каких-то новых состояний организма.

Цель была сформулирована изначально высокая космическая, соответственно случаю и темам беседы, но не зажата рамками смысла и звучания слов, а скорее явлена желанием увидеть ту первооснову родной Земли, её своеобразную эманацию, прообраз, дух или душу.

И вот в тот миг ли, вечность, что в данном случае все есть время, а его мера – энергия, масса, скорость. В тот самый миг, когда показалось, что дальше ничего – пустота. И сразу же из ничего и целиком возникла картина Другого мира.

Время остановилось, его не было, была «чччернотааа», ни одной звёздочки не светило, но все было видно. Ничто в этом мире не двигалось или двигалось, но так медленно милли-

метр/микрон за миллион/миллиард лет, ещё медленнее. Но откуда-то изнутри, не голос, а просто ниоткуда сразу было известно, что этот мир по-своему жив.

Слева чуть ниже линии воображаемого горизонта, далеко и одновременно вблизи на огромном каменном блине, почти правильной эллипсоидной формы, размером возможно с галактику малой величины, относительно размеров чёрного мира, на самом краю блина сидела спиной молодая женщина совершенно голая.

Иссиня-чёрные густые и прямые волосы её спадали до середины ровной спины. Жёлтый цвет кожи блестел в темноте и поджатые к груди колени скрывали острую грудь с чёрными сосками. Она также была видна со всех сторон/плоскостей и сразу вся, фигура более всего соответствовала представительнице Малайзии, Шри-Ланки или Индонезии, ещё такие фигуры встречаются у некоторых индианок на высокогорье в Перу. Крепкое тело, короткие плотные руки и ноги, невысокий рост, заметный живот. Красавицей, её по меркам XX века, при всем желании было не назвать. Но, черт возьми, она была прекрасна той красотой женщины, которая не зависит от пропорций 90х60х90, а проистекает от общей завершенности и пропорциональности, какой-то пусть не понятной целесообразности всех чресл, была она такая вся гладкая, ровная, без родинки, грамма лишнего жира и вообще ничего лишнего в ней не было.

А главное, она знала, что на неё смотрят, её видят, но никак не реагировала. Время оставалось. Лицо, тоже скорее индейское, абсолютно правильное с большими фиолетовыми глазами выражало спокойствие и непомерную грусть.

Кто она была, как её звали, почему оказалась заточенной на гигантском каменном тёмном эллипсе в этом чёрном мире, было совершенно не понятно.

Кроме бесконечной бездны мягкой черноты, чудовищного по размерам каменного блина и девушки ничего не было, да точно не было, и от этого стало – одиноко и тоскливо. Плохо было отчего-то.

Ощущение чуждости и неприятия человеком этого мира осталось в памяти Серова на всю жизнь и, никакие химиотерапии добрых врачей айболитов, не смогли затем выдать эти воспоминания.

Много позже ему казалось, что чуть в стороне от того места и ниже, где сидела девушка, из каменной глыбы вниз на тысячи миль бесшумно срывался застывший водопад такой же чернильной чёрной воды или другой какой жидкости.

А волосы беглянки едва-едва в одном месте искрились, но абсолютной уверенности в том, на самом деле уже не было. И ещё он знал, где-то в другом мире раньше её жёлтая кожа еле заметно, изнутри светилась.

Тут дошли оттуда-то сбоку звуки голоса Виталия, он настойчиво и встревожено, призывал возвращаться, все закрутилось и понеслось в обратку. Опять мутило и чуть не вырвало, весь покрылся потом.

Всё – дома, хотя, что есть дом после таких полётов. Время вернулось вспять, или в шесть.

*Время – песок, убегает меж рук,
Мера любви, ожиданья, разлук.
Космос и атом, шёлк и наждак,
Судья беспощадный, тик-так,
тик-так, тик-так, тик-так.*

Посыпались, как горох, вопросы Виталия и Тима одновременно и перебивая: – Что загадал? Где был? Что видел? и т. п. и т. д.

Ты был в отключке с полчаса. Ну, рассказывай, не тяни кота за помидоры.

Оба, это было написано на их лицах, измучавшись в ожиданиях, ждали его рассказа – что там за гранью неизвестного и неведомого. Тим поскольку для него это было что-то похожее на фокус-покус и опля – чудо. Виталий же, как человек, прошедший длинный путь тренировок, разочарований и редких успехов, с известной долей зависти и недоумения к юноше, которому так легко всё удалось. А он это понял точнее, увидел по мимике лица, подёргиванию мышц беспокойного тела. Ещё было ощущение чуть уловимого толчка при переходе, это встряхивание он знал по собственным опытам.

Саша минуты четыре ошарашено молчал и приходил в себя, а потом очень коротко, без эмоций рассказал об увиденном в своём путешествии, опустил детали и вообще постепенно расстроился, будто выдал чужую тайну, тем более о женщине. Скомкал дальнейший ход визита, не допил, извинился за плохое настроение.

Нет, чувствует он себя – «хорошо».

И быстро собравшись, уехал домой один.

После того случая о своих путешествиях по другим мирам он никому не рассказывал, а обсуждения в компаниях таких тем избегал. Но зато перечитал кучу литературы на эту тему, пытаюсь найти информацию, понять, что тогда с ним произошло, да и было ли, а то может всё это ему привиделось?! Или это было внушение?

Сколько таких душ бродит по этому миру? Ау!

Глава 4. Ночной шквал и последующие события

Хамсин принёс пыль из Сахары, которая, закрыла Солнце. Неужели она проделала путь в тысячу фарсахов только для этого?

Ночью, когда психи из палаты №3/3 и другие болезные пребывали кто в беспамятстве, кто жуткой боли, кто в сладких снах о воле, в Москве случился шторм. Он налетел неожиданно, где был Гидрометцентр? Извечный вопрос.

Разверзлись хляби небесные.

Валило и с корнем выворачивало деревья, порывами ветра нещадно било стекла и швыряло осколки, щепки, листву и бумаги. В нескольких домах разворотило покрытие крыш, металлические листы и куски рубероида с засохшим гудроном летели и громыхали как ударные большого симфонического оркестра в заключительной части героической симфонии Шостаковича.

На третьем этаже в торце пустого коридора психлечебницы забыли закрыть форточку, и вода неслась сквозь неё почти параллельно полу на большое расстояние. Она, растекаясь по малейшим трещинкам и щелям, смывая редких тараканов и паучков, проникала под толстый тёмный линолеум, мгновенно растворялась, впитываемая смесью опилок и старой пыли, скопившихся и налицивающих в перекрытиях этажей.

Где-то порвало линии электропередач, фонари на высоких металлических столбах качало так, что свет, от них падавший метался по затопленным водой улицам, словно всё искал уголок спасения от стихии.

Казалось бес Абдусциус (демон, вырывающий с корнями деревья), сама природа обиделась на москвичей и показала, кто в доме хозяин. К утру шквал, стих, и дождь лить перестал. Как оказалось, эти предположения имели под собой некоторую толику оснований, в связи с прибытием в первопрестольную двух субъектов, о которых пойдёт речь ниже.

Разрушения случились масштабные, такого разгула стихии даже старожилы дворов – пенсионеры не помнили, разве годах в двадцатых, тридцатых.

Ночное происшествие нашло живейшее обсуждение среди обитателей диспансера, вытеснило все остальные новости. Да и не новости это были вовсе, а так хрень всякая, вот и отошли они на задний план. Горячо спорили о природе шквала, вызван ли он был естественным ходом событий и атмосферными причинами или все же, то дело рук человека, неких таинственных организаций и спецслужб, возможно не родных, а забугорных, от них, дескать, все беды.

На ступеньках западного крыльца лечебного корпуса сидели трое.

Заколоченный вход, окрашенный облупившейся темно-коричневой краской в десяток слоёв, ныне являл собой известную среди знающих постояльцев историческую ценность и значимость, поскольку молва гласила – сюда на заре советской власти привозили на обследование многих именитых партийцев и даже мировой известности народного писателя алкаша. Самые смелые знатоки горячо утверждали, что и самого, самого Хозяина. Точно известно было только то, что узкая лестница вела напрямую в кабинет главврача и заколотили этот вход десятисантиметровыми гвоздями сразу же после XX съезда коммунистической партии в 60-х годах прошлого столетия.

Разговор шёл неторопливый и рассудительный. Разведя в стороны руки по перовски, и даже чисто внешне похожий на одного из охотников с картины известного живописца сидел один. Все звали его Меркулыч – санитар с третьего этажа, знакомый нам по перипетиям предыдущего дня, а нынче направленный начальством на ликвидацию последствий стихии и уборку

территории, веско возражал колченогому больному, выделенному туда же на уборку в качестве живой рабсилы, звали второго странно Фиг.

Ну, ты Фиг даёшь, на фиг им америкосам насыпать на нас такое, – скаламбурил он, довольный собой, а паче тем перекурром под затяжку. Что у них своих дел нет, еликтричество тратить некуда? Толстый мясистый нос его в щербинах при этом как у собаки принюхался, нет ли рядом кого, кто спортил воздух.

Третий сидевший ниже, рабсила интеллигентного вида, отзывавшаяся на Палыч. Личность с санитаром в чём-то не согласная, кивала головой на тонкой шее, явно давая понять, что она – против такого вывода, растопыренные уши его как у подростка, при этом шевелились.

Они нас до сих пор боятся и ненавидят – отрезал Фиг. Это у них в крови, в памяти поколений, Россия 400 лет всю Европу гоняла и трахала, а американский народ в основе своей выходцы из Европы, германцы, да и Сталин их норманнов с Хрущём на пару, ракетами и бомбой, сколько лет стращали.

Когда то было, – возражал солидно Меркулыч, пыхтя сигареткой – да и демократия у нас таперича, мать её, чево им не хватает у нас, деревья ломать к чему, пустое это.

Пустил облачко табачного дыма прямо в лицо оппоненту, как знак несомненного превосходства и завершения спора в свою пользу и уже командным голосом приказал – Хорош, курить, пошли мести. И уже со злорадством, добавил – Дармоеды. Он уже начал приподнимать седалищно-пердильный мышц со ступеньки.

Все бы так и закончилось, но вдруг ни с того ни с сего Палыч выдал на-гора такое, от чего почему-то остатки волос на головах обоих его собеседников встали дыбом. У обоих не возникло и тени сомнения в том, что Палыч сейчас не врёт, а более, что псих обколотый придумал невесть что.

«А я этой ночью, в разгар грозы видел в нашем коридоре чужого человека в длинном чёрном плаще со странным подростком!

В самый сон то я проснулся, по всему – по малой нужде приспичило до горшка. Так грохотало страшно, и что-то меня прямо таки притянуло к глазку в двери палаты», – вибрирующим непослушным голосом проговорил он далее, чувствовалось, накатило.

«Тут и случилось.

Выглянул я и обомлел прямо. Он, от 3-й соседней уже мимо нашей двери проходил, посмотрел мне прямо в глаз. У того глаз страшный чёрный, а как будто внутри адский огонь горит, всего тебя жжёт, ни рукой, ни ногой пошевелить не могу, страх липкий расплзается, потом уже и желудок догнал. Всего тебя обволакивает, мир сужается и уже ничего, кроме того злого глаза и не видишь.

И так улыбнулся, как маньяк перед тем, как жертве, словно кузнечнику руки ноги оторвать и съесть, дескать, всецело ты в моей власти. Гром гремит, молнии коридор осветили, за ним прут двое, мальчик, а кто третий, я не разглядел. Потом все исчезло. Вот так вот».

Перекрестившись, он продолжил, – «Точно говорю не к добру это. А плащ на нем был странный, весь в блёстках. В таких одеждах фокусники в цирках выступают на арене. Он весь большими серебряными звёздами расшитый и на шее красной тесёмочкой завязанный. С красным подбоем. А тени сзади будто отдельно, своя значит жизнь у них».

Ошарашенные таким сообщением, санитар и Фиг замерли. Рассказ Палыча, сорвал «крышу», каждый переваривал новость.

Меркулыч сел, очнувшись от оцепенения, моргнул и пошевелил лицом, почему-то вспомнил, что да все так, правильно. На двери палаты 32 металлическая крышка на глазок снаружи отвалилась третьего дня и куда-то подевалась. «Непорядок, надо устранить».

«Мальчик же мне ужасно обидную рожу соорил, а лицо у него старика», – видимо ещё припомнил какие-то детали Палыч и добавил, – «Уж потом я заметил, что и обоссался».

«Да кто это мог быть? Как он в корпус-то ночью тем более попал, откуда пришёл, зачем главное? Да и ребёнок?». Покосившись на заколоченную дверь, одним духом выпалил Фиг.

Тут уж разродился сомнением санитар. – «Тут мышь, церковная не проскочить, а ты артист. А где дежурный, дежурный где?» Задался он очередным вопросом уже скорее к себе. «Да я бы узнал», – неуверенно заключил он. Продолжил уже значительно – «Чертовщина какая-то! Мовет приснилось тебе, таблеток переел?».

«Ну не знаю, не знаю», – только что и молвил задумчиво Фиг. Он покачал головой, и было совершенно понятно, что-то такое он знает больше их или читал.

По облезшей штукатурке ступенек крыльца полз муравей. Рядом пролетела ранняя бабочка капустница, взмахом своих крыльев свидетельствуя правоту нездешнего, но правильного писателя фантаста Бредбери о непрочности и изменчивости всего сущего и проявленного.

На территории, примыкающей к лечебному корпусу, язык не поворачивается назвать её парком, валялись обломанные страшной силой деревья и ветки, кое-где чернели комья земли и белёдые корни, в отдалении уже трудились, собирая мусор такие же бедолаги. Жизнь налаживалась, постепенно входила в свою колею и длилась. Пора было приниматься за дело.

«Ты вот что», – жёстко, не дождавшись ответа, завершил наконец-то перекур Меркулыч, встал. «Никому больше об этом не рассказывай, ну про давешних артистов, и ты – Фиг». Добавил, после короткой паузы опешившим слушателям.

«There are more things in heaven and earth, Horatio, than are dreamt of in your philosophy».

«Ну, ни... себе», – только и выдохнул Фиг, – «Гамлет».

Работали целый день. Таскали ветки, возили тачки с мусором и землёй, копали. Говорили только по делу и ночного случая не касались. Отобедали бледной болтанкой неизвестного происхождения с запахом мяса и на второе – слипшейся перловкой. Но хлеб был на удивление мягким и даже душистым, чаёк не окончательно разбавлен, а перекуры вовремя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.